

БРЕДНИ

— • Иван Лорд • —

Иван Лорд

Бредни

<https://litres.ru/74491369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хабаровск. Осень. Дождь, панельные дома, пустые автобусы. Ире восемнадцать, и она застряла — между школой и взрослой жизнью, между «надо» и «не хочу». Она работает в кофейне с дурацким названием «Бредни», где пахнет сыростью и старым кофе.

В подсобке среди коробок стоит зеркало, накрытое тряпкой. Ира не знает, откуда оно взялось и почему его прятали. Но когда она смотрит в него, то видит не своё отражение, а тёмный город, которого нет на карте. Город, который с каждым днём всё ближе. А из-за стекла кто-то машет ей рукой.

«Бредни» — это современный декаданс в российских декорациях. Мистика здесь вырастает не из старинных особняков и родов, а из полуподвальной кофейни, вечерних смен и одиночества

История говорит о том, о чём принято молчать: о страхе не оправдать ожидания, о растерянности после школы, об одиночестве в родном городе и о соблазне сбежать в вымышленный мир. «Бредни» — это не только мрачная сказка,

но и разговор о взрослении, пустоте и попытке найти свет в сером городе.

Содержание

Часть I. Свет во Мраке	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Иван Лорд

Бредни

Часть I. Свет во Мраке

— Ты несешь какой-то бред, парень.

— Простите, не я несу бред —

это вы просто не догоняете.

Доктор Кто

Глава 1. По ту сторону

Картошка лежит в мешке у дальней стены, и я знаю это, потому что стою здесь уже минуту, а может, две, а может, целую вечность, и смотрю на этот мешок так, словно он может мне что-то сказать, что-то важное, что-то, что я давно забыла, но что всё ещё живёт где-то под рёбрами, шуршит там, шшшшш, как мышь в стене, как совесть, как последний вздох умирающего. Ступени скрипели под ногами, когда я спускалась, — тр, трз, — и этот звук до сих пор стоит в ушах, хотя я уже внизу, хотя уже стою на бетонном полу, холодном, как всё в этом мире, как всё в этом кафе, как всё во мне. Лампочка мигает над головой — жжжж, жжжж, — умирает

медленно, мучительно, как моя жизнь, которая давно перестала быть жизнью и стала просто существованием, просто привычкой, просто чем-то, что я делаю по инерции, потому что не знаю, как остановиться, потому что боюсь, что если остановлюсь, то уже не смогу начать снова. Внизу темно, но не настолько, чтобы не видеть, и я вижу — вижу плесень на стенах, вижу трещины в потолке, вижу паутину в углах, которая висит, как кружево, как что-то красивое в этом уродстве, и я думаю, что даже здесь есть красота, даже здесь, даже в этом подвале. А внутри меня уже давно ничего нет. Пахнет сыростью и чем-то старым, чем-то затхлым, чем-то, что было здесь до меня, до кафе, до дома, до всего этого мира, и я дышу этим запахом, потому что дышать — это всё, что я умею, это единственное, что я делаю без усилий, без боли, без необходимости притворяться.

Это кажется чем-то простым. Очевидным. Но в сути своей дыхание и биение сердца есть жизнь. Так почему же жизнь так просто существует? Без усилий... Если это что-то механическое, доведённое до автоматизма, то почему же мне так тяжело?

Я подхожу к тяжёлому мешку, олицетворению всех моих проблем. Пальцы касаются ткани — грубой, шершавой, как наждак, как язык кошки, как что-то, что хочет стереть меня, стереть мою кожу, стереть всё, что я есть. Картошка тяжёлая, и я понимаю это, когда пытаюсь поднять мешок, но не поднимаю, потому что руки слабые, потому что я слабая, потому

что я всегда была слабой, хотя никто этого не замечал, хотя я сама этого не замечала, пока не стало слишком поздно, пока не осталось ничего, кроме этой слабости, кроме этой пустоты, кроме этого шшшшш, которое живёт во мне и не уходит, не уходит, никогда не уходит. Я сажусь на корточки, чтобы передохнуть, и в этот момент вижу его — зеркало. В углу, за ящиками, почти невидимое, почти забытое, почти мёртвое. О, если бы я только знала, что оно таит в себе. Я бы никогда к нему не прикасалась. Старое, в бронзовой раме, которая потускнела от времени, которая покрылась зелёным налётом, как будто её кто-то отравил, как будто её кто-то проклинал. Пыль на стекле такая толстая, что кажется — это не пыль, а кожа, мёртвая кожа, серая кожа, которая всё ещё здесь, всё ещё ждёт, всё ещё хочет. Шшшшш. Я не должна к нему подходить. Я знаю это где-то глубоко, где-то там, где ещё осталось что-то живое, что-то, что помнит, что такое опасность, что такое страх, что такое «не надо». Но я устала. Так устала. От Артёма, от его слов, которые впиваются в меня, как гвозди, как иглы, как что-то, что хочет меня пригвоздить к кресту, к нему, к этой жизни, которую я не выбирала. От его рук, которые иногда ласковые, а иногда — нет, и я никогда не знаю, какие будут сегодня, и это ожидание хуже, чем боль, потому что оно никогда не кончается, никогда, никогда. От запаха его одеколона, который впитался в мою кожу, в мои волосы, в мою память, который я чувствую даже здесь, даже в этом подвале, даже когда его нет рядом. От того, что я

говору «хорошо», когда хочу кричать. От того, что я улыбаюсь, когда хочу умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.